

859 H.C.
02480

Харьковское Общество Сельского Хозяйства

Д. ПРЯНИШНИКОВЪ

БЕЛОРУССКОЙ

Отд.	63(071)
Шифр	Л.859н.с.
Классиф. №	402430

Нѣсколько словъ о современномъ положеніи
высшей агрономической школы

Отдѣльные оттиски изъ «Агрономическаго Журнала».

Типографія М. Х. Сергѣева.—Харьковъ. Московская, 10.
1915.

К

Нѣсколько словъ о современномъ положеніи высшей агрономической школы¹⁾.

За послѣдніе годы высшая агрономическая школа въ Россіи должна была пережить значительное напряженіе силъ и ввести въ свой строй рядъ измѣненій. Два рода причинъ играли при этомъ роль. Съ одной стороны мы имѣемъ дѣло съ общимъ ростомъ всѣхъ отдѣловъ науки, съ необходимостью все большей и большей дифференцировки въ дѣлѣ изслѣдованія; это причина общая для всѣхъ странъ и дѣйствующая постепенно. Другая категория явленій—это особенности развитія нашей страны, въ данный, именно, періодъ, создавшія быстрое увеличеніе спроса на агрономовъ съ высшимъ образованіемъ.

Для удовлетворенія этого спроса, возможны мѣропріятія двоякаго рода, именно—основаніе новыхъ школъ и увеличеніе ёмкости существующихъ. Принципіально, конечно, правильно итти первымъ путемъ, стремясь къ тому, чтобы напр., на каждыя 3 милліона населенія была одна высшая агрономическая школа (это имѣетъ мѣсто въ Швейцаріи, въ Норвегіи, въ Финляндіи); такая школа не страдаетъ отъ многолюдства и при этой системѣ дѣло преподаванія хорошо совмѣщается съ задачами изслѣдованія, даже при извѣстной степени обязательности задачъ послѣдняго (мѣстныя опытные учрежденія). Однако, сразу нельзя сдѣлать быстрыхъ шаговъ въ этомъ направленіи, притомъ не только по недостатку матеріальныхъ средствъ и не только по недостатку профессоровъ, который притомъ вовсе не является для агрономической школы столь острымъ по существу, какъ по формѣ (по отсутствію ученыхъ званій для «не классиковъ»); но нужно признать, что высшая школа, какъ дѣятельный очагъ не только преподаванія, но и изслѣдованія, не создается внезапно на любомъ мѣстѣ при любыхъ условіяхъ, какъ по щучьему велѣнію; для ея процвѣтанія необходима извѣстная общая культурная обстановка, удобство сношеній, удобство выписки и заказовъ спеціальныхъ приборовъ и книгъ, да нужно, наконецъ, чтобы мѣстная администрація просто получила извѣстную привычку

¹⁾ Изъ доклада, прочитаннаго въ Обществѣ агрономовъ 13 фврваля 1914 г.

и пониманіе, какъ слѣдуетъ относиться къ существованію высшей школы въ томъ или иномъ, столь или не столь отдаленномъ мѣстномъ центрѣ. По характерному выраженію одного бывшего директора высшей школы, на себѣ испытывающаго трудность піонерства въ этой области, усилія перваго поколѣнія работниковъ на новомъ мѣстѣ нерѣдко идутъ цѣликомъ на то, чтобы «унавозить собою землю, на которой слѣдующее поколѣніе уже сможетъ работать, какъ слѣдуетъ». Отсюда нерѣдко наблюдавшееся явленіе, что люди, имѣющіе всѣ права на кафедру, предпочитаютъ быть ассистентами въ Москвѣ, или Петроградѣ, чѣмъ профессорами во вновь возникающихъ, еще неокрѣпшихъ высшихъ школахъ.

Созданіе новыхъ школъ идетъ у насъ поневолѣ медленно. Оно связано, кромѣ затраты крупныхъ средствъ, еще съ проведеніемъ соотвѣтственныхъ проектовъ черезъ законодательныя учрежденія, а передъ тѣмъ—черезъ рядъ совѣщаній на мѣстахъ и въ Петроградѣ. Все это, конечно, не должно останавливать постоянныхъ шаговъ въ этомъ направленіи для осуществленія конечной цѣли—созданія правильной сѣти высшихъ агрономическихъ школъ въ Россіи. Многие для этого уже и дѣлаются, но для ближайшихъ нуждъ, для удовлетворенія острой потребности момента, этого ждать было невозможно; оставалось прибѣгнуть къ усиленному использованию готоваго фермента, старыхъ центровъ, которымъ пришлось путемъ временныхъ жертвъ, временнаго напряженія силъ повысить число оканчивающихъ, не понижая по существу уровня требованій къ нимъ предъявляемымъ.

Въ частности, наиболѣе близкой намъ школѣ въ Петровско-Разумовскомъ за послѣдніе 7—8 лѣтъ пришлось работать подъ очень «высокимъ давленіемъ»: при пріемахъ въ 180—200 чел. вмѣсто прежнихъ 50—80, при общемъ числѣ въ 1500 студентовъ въ тѣхъ же самыхъ помѣщеніяхъ, гдѣ было ихъ прежде 300—400 (а одно время и только 200); число оканчивающихъ курсъ поднялось съ 40—50 до 250 человекъ въ годъ, что было облегчено обильнымъ приливомъ лицъ, окончившихъ университетъ¹⁾. Это было достигнуто усиленной работой еще того же числа профессоровъ, при увеличеніи лишь числа ассистентовъ; эти усиленные выпуски агрономовъ дали тѣ же стѣны, тотъ же домъ,

¹⁾ Число лицъ, поступившихъ въ Институтъ по окончаніи университетовъ (или другихъ высшихъ школъ) возросло слѣдующимъ образомъ:

1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
75	96	138	172

«Гдѣ стекла странной формы
Прохожаго дивять особой красотой».

тѣ же «лабораторіи, и ферма, и музей». Напряженная организационная работа въ совѣтѣ и комиссіяхъ и непомѣрно большое число экзаменовъ несомнѣнно стоили жертвъ и шли въ ущербъ научной работѣ; приходилось утѣшать себя тѣмъ, что этими временными жертвами также будетъ «унавожена почва для работы будущихъ поколѣній» и впоследствии профессорамъ агрономической школы будетъ легче работать научно, потому что экзаменное и иное внѣшнее бремя (организационная работа) распределится между большимъ числомъ школъ и большимъ числомъ профессоровъ. Но съ 1913 г. мы вступаемъ въ новую фазу—съ этого времени введены новые штаты, давшіе удвоеніе числа кафедръ; къ этому же времени частью закончился (частью заканчивается) рядъ новыхъ построекъ, позволяющихъ избавиться отъ неимовѣрной тѣсноты устарѣвшей внѣшней оболочки.

Увеличеніе числа кафедръ и лабораторій позволяетъ въ значительной степени исправить тотъ недостатокъ, который создаетъ переполненность высшей школы и который состоитъ въ трудности непосредственнаго общенія преподающихъ съ учащимися; теперь должна значительно увеличиться эта «поверхность соприкосновенія», а одновременно удовлетворяется другая потребность—потребность увеличенія числа центровъ изслѣдованія, большаго раздѣленія труда, въ этомъ отношеніи до извѣстной степени связанная и съ большимъ дробленіемъ въ преподаваніи специальныхъ предметовъ.

Вмѣсто прежнихъ 20 кафедръ (и 5—6 преподавателей по найму) теперь на двухъ отдѣленіяхъ (сельскохозяйственномъ и с.-х. инженерномъ) имѣется 30 кафедръ и 9 штатныхъ преподавателей, въ сущности 39 кафедръ, ибо преподаватели имѣютъ право перехода на кафедру по мѣрѣ пріобрѣтенія ими научнаго ценза и освобожденія вакансій (не касаемся еще отдѣла рыбовѣдѣнія, на которомъ учреждено 7 новыхъ кафедръ, въ означенномъ смыслѣ слова). Это позволяетъ, на примѣръ, вмѣсто прежнихъ 2-хъ кафедръ по почвовѣдѣнію и земледѣлію, имѣть теперь четыре, помимо того, что преподаваніе селекціи поручено пятому лицу (директору селекціонной станціи); по зоотехніи (включая молочное дѣло) также вмѣсто двухъ—будутъ четыре спеціалиста. Кафедры экономіи (общей, сельскохозяйственной и законовѣдѣнія) будутъ представлены въ суммѣ пятью

профессорско-преподавательскими орами (или отчасти елями, смотря по научному цензу и служебным правам соответственных лиц). Основное естествознание также выигрывает, хотя и несколько в других формах; такъ обѣ кафедры химіи получили новое помѣщеніе, гдѣ кромѣ увеличеннаго числа мѣстъ по изученію обычной методики, будетъ дана возможность лицамъ, специализирующимся по агрономической химіи, вести самостоятельныя работы и знакомиться съ тѣми методами физической и биологической химіи, которые являются наиболѣе важными для агронома-ислѣдователя. Отъ физики отдѣлена метеорологія, порученная отдѣльному лицу; метеорологическая станція, заново устроенная, имѣетъ получить новыя средства и новыхъ сотрудниковъ. Ботаника усиливается созданіемъ фитопатологической станціи, а также и устройство селекціонной станціи можетъ быть разсматриваемо, какъ одинъ изъ путей расширенія приложенія ботаники къ земледѣлію (а если угодно, и обратно—путей пополненія общихъ ботаническихъ данныхъ наблюденіями надъ опредѣленными растениями, одновременно важными съ точки зрѣнія сельскохозяйственной). Физиологія растений получаетъ новое просторное помѣщеніе; зоологія сильно выигрываетъ, благодаря организаціи отдѣленія рыбовѣдѣнія; можно сказать, что сельскохозяйственный институтъ будетъ отнынѣ богаче представителями зоологіи, чѣмъ университеты.

Кромѣ упомянутыхъ опытныхъ станцій, созданы станціи по испытанію машинъ и орудій, по зоотехніи, также льноводная станція; (учрежденіе другихъ станцій при кафедрахъ отнынѣ возможно смѣтнымъ порядкомъ, согласно новому закону объ опытныхъ учрежденіяхъ).

Сельскохозяйственно-инженерное отдѣленіе будетъ обладать 5-ю кафедрами по математикѣ и механикѣ и 5-ю по разнымъ отдѣламъ инженернаго и строительнаго искусства (кромѣ того, оно получило отдѣльное помѣщеніе въ зданіи бывшаго общежитія и должно получить еще отдѣльное зданіе для своихъ лабораторій.¹⁾ Такое широкое развертываніе научно-учебнаго аппарата выдвинуло вопросъ о пересмотрѣ учебнаго плана.

¹⁾ Замѣтимъ, однако, что если будетъ признано нужнымъ увеличить число студентовъ на инженерномъ отдѣленіи (и отд. рыбовѣдѣнія), то недостаточно расширять помѣщенія и пособія специальныхъ кафедръ этихъ отдѣленій, но нужно позаботиться о дальнѣйшемъ расширеніи лабораторій, одинаково необходимыхъ для всѣхъ отдѣленій (физической, химической, ботанической и друг.).

Сельскохозяйственное образованіе отличается широтой захвата въ области основныхъ наукъ и ихъ приложеній—въ этомъ его сила; отсюда истекаетъ высокое общеобразовательное значеніе агрономической школы, но отсюда же и повышенная трудность составленія такого учебнаго плана, который не былъ бы перегруженъ слишкомъ большимъ числомъ предметовъ. Съ одной стороны, нужно дать достаточно широкій фундаментъ, не только въ области естествознанія, но и въ областяхъ наукъ общественныхъ, а съ другой—оставить возможность достаточнаго углубленія, такъ чтобы ширина захвата не мѣшала глубинѣ пониманія. Единственная возможность избѣжать Сциллы (узости) и Харибды (поверхностности) состоитъ въ томъ, чтобы при достаточной ширинѣ общаго русла, въ немъ создать углубленный фарватеръ, по которому могутъ проходить суда не только плоскодонныя. Для такого углубленія русла должно быть дано нѣсколько способовъ, съ преобладаніемъ использованія то однихъ, то другихъ методовъ изслѣдованія. Этимъ достигается удовлетвореніе индивидуальныхъ интересовъ и наклонностей, а одновременно возможность болѣе равномернаго распредѣленія работающихъ по разнымъ специальнымъ лабораторіямъ; этимъ облегчается удовлетвореніе того основнаго требованія къ высшей школѣ, чтобы она не ограничивалась пассивнымъ ознакомленіемъ слушателей съ результатами научнаго изслѣдованія, но дала бы имъ и методы этого изслѣдованія, чтобы они знали, какъ добываются факты и по возможности сами попробовали сдѣлать, хотя бы первые шаги на этомъ пути.

Это относится не только къ тѣмъ, которые имѣютъ въ виду дорогу къ кафедрѣ и не только для дѣятелей опытнаго дѣла, но и для каждаго агронома, будетъ ли онъ работать въ земствѣ или въ хозяйствѣ; чрезвычайно важной является возможность самому прикоснуться къ научной работѣ, хотя бы временно и въ скромной формѣ; такая прикосновенность оставляетъ слѣдъ на всю жизнь, приучаетъ къ болѣе разносторонней оцѣнкѣ явленій, къ самокритикѣ, предостерегаетъ отъ наклонности къ слишкомъ упрощеннымъ рѣшеніямъ.

Но такое углубленіе вплоть до самостоятельной работы, конечно, невозможно по многимъ предметамъ; было бы хорошо, если бы хотя по одному изъ предметовъ оно осуществлялось каждымъ учащимся, на общемъ фонѣ достаточной общей подготовки въ остальныхъ отношеніяхъ.

Такимъ образомъ, чтобы благополучно пройти между Сциллой и Харибдой, учащимся приходится вначалѣ захватывать преимущественно ширь, чтобы затѣмъ постепенно достигнуть углубленія, но не во всю ширину (что невозможно), а лишь въ одномъ какомъ-либо избранномъ направленіи.

Къ тому же приводитъ другой рядъ соображеній, хотя и болѣе внѣшняго характера, но имѣющій большое значеніе въ жизни русской школы; мы разумѣемъ вопросъ о количествѣ экзаменовъ. Прежде, когда учреждали новую кафедру, то непременно съ этимъ связывали представленіе о 4 — 6-ти часовомъ общеобязательномъ курсѣ, съ соотвѣтственнымъ экзаменомъ для всѣхъ студентовъ; отсюда возрастаніе многоэкзаменности одновременно съ дифференцировкой въ преподаваніи.

Однако, за извѣстнымъ предѣломъ, многоэкзаменность становится зломъ, не только обременительнымъ для учащихся, но и понижающимъ значеніе каждаго отдѣльнаго экзамена. Въ настоящее же время, когда число кафедръ удвоено, совершенно невозможно требовать, чтобы каждый студентъ славалъ экзаменъ у каждаго про-

экономія входятъ въ прежнемъ объемѣ въ учебные планы всѣхъ секцій). Но вновь введенныя спеціальныя главы уже не являются общеобязательными; обязательно лишь взять изъ нихъ извѣстное число, извѣстный комплексъ взаимно связанныхъ отдѣловъ, примыкающихъ по возможности къ той области, къ которой относится тема дипломной работы оканчивающаго.¹⁾

Выполненіе дипломной работы само по себѣ тоже еще не означаетъ непременно спеціализаціи; это небольшая попытка ходить на собственныхъ ногахъ, и изъ того, что эта попытка сдѣлана по извѣстному направленію, не слѣдуетъ, что человѣкъ всю жизнь будетъ ходить только по этой тропинкѣ.²⁾

При такой системѣ, при которой каждый предметъ непременно входитъ въ составъ какой либо секціи, достигается, кромѣ сокращенія числа экзаменовъ для отдѣльнаго студента, еще и болѣе равномерное распредѣленіе работающихъ по лабораторіямъ и (до нѣкоторой степени) участіе всѣхъ преподавателей въ несеніи тяжести экзаменнаго бремени.

Все сказанное относится къ судьбамъ мужской высшей школы; но у нея народился уже свой двойникъ, свой стереоизомеръ—женская высшая школа. Съ одной стороны, мы имѣемъ здѣсь блестящій успѣхъ, сказавшійся въ быстромъ ростѣ: такъ, въ Москвѣ Голицинскіе курсы на 6-мъ году отъ роду уже считаютъ свыше 600 слушательницъ при ограниченномъ приѣмѣ¹⁾—въ 150—200 человекъ изъ 600 желающихъ поступить и это буквально та же самая картина, что и въ Петровско-Разумовскомъ. О судьбѣ высшаго женскаго образованія въ Россіи можно съ извѣстнымъ правомъ сказать: «не бывать бы счастьемъ, да несчастье помогло». Изъ запрещенія доступа въ университетъ вытекла необходимость созданія отдѣльныхъ женскихъ курсовъ, развившихся въ крупные, богато обставленные университеты, какъ, напр., въ Москвѣ на Дѣвичьемъ полѣ, гдѣ насчитывается до 6—7000 слушательницъ; то-же видимъ и для агрономической школы: развѣ можно бы думать о приѣмѣ въ Петровско-Разумовское по 200 женщинъ въ годъ, если бы итти путемъ допущенія ихъ въ тѣ-же тѣсныя ворота, а не путемъ удвоенія числа высшихъ школъ?

Но только женская агрономическая школа молода и при первыхъ шагахъ своихъ располагаетъ очень скудными средствами—ея бюджетъ составляетъ лишь около $\frac{1}{5}$ части отъ бюджета правительственной мужской школы. Пока, кромѣ субсидіи отъ Департамента Земледѣлія (25,000 р.²⁾ и взносовъ слушательницъ (около 75,000 р.), другихъ средствъ курсы не получаютъ, и мечта о собственномъ зданіи остается пока только мечтой. Но мы знаемъ, что Москва всегда служила примѣромъ отзывчиваго отношенія къ нуждамъ высшей школы—клиники, университетъ Шанявскаго, коммерческой институтъ служатъ тому доказательствомъ, такъ что въ извѣстномъ жизненныхъ требованій; послѣднія же до сихъ поръ больше всего сказывались въ смыслѣ преимущественнаго спроса на обще-развитога агронома.

По поводу «дипломнаго зла» приходится постоянно напоминать, что экзаменовъ и дипломовъ требуетъ не школа отъ учащихся, а учащіеся отъ школы; отъ учащихся же ихъ требуютъ условія нашей жизни. На профессоръ экзамены ложатся тяжелымъ и непродуктивнымъ бременемъ; когда за границей приходится рассказывать о количествѣ экзаменовъ, приходящихся у насъ на долю каждаго профессора, тамъ съ трудомъ могутъ себѣ представить такое положеніе дѣла. Причина въ томъ, что въ Россіи приходится совмѣщать французскую многоэкзаменность съ нѣмецкимъ многолюдствомъ въ высшей школѣ.

¹⁾ Теперь уже свыше 800 чел.

²⁾ На 1915 годъ внесена въ смѣту субсидія въ 40.000 р.

смыслѣ можно сказать: «Moscovia docet» (какъ когда-то говорили о Болоньѣ—*Volonia docet*); и до Голицинскихъ курсовъ дойдетъ, конечно, очередь, нужна лишь нѣкоторая доза терпѣнія, того женскаго терпѣнія и вѣры, которая такъ хорошо олицетворяетъ Сольвейгъ у Ибсена.

Отмѣтимъ, что учрежденіе курсовъ есть также одинъ изъ способовъ скорѣе повысить число агрономовъ въ странѣ путемъ использованія тѣхъ силъ, которая всегда имѣются въ научныхъ центрахъ въ извѣстномъ избыткѣ (помимо частичнаго использованія тѣхъ же профессоровъ, къ работѣ привлекаются болѣе подготовленные ассистенты, оставленные при кафедрахъ и вообще тѣ изъ окончившихъ, которые своей научной работой доказали право не только на приватъ-доцентское, и на доцентское положеніе¹⁾). Естественно ожидать, вслѣдъ за возникновеніемъ такихъ курсовъ въ Петроградѣ, Москвѣ и Саратовѣ, народненія ихъ въ Харьковѣ, Тифлисѣ и другихъ городахъ Россіи, гдѣ силы мѣстныхъ высшихъ школъ (и отчасти, хотя въ скромной по числу часовъ, но существенной долѣ—и опытныхъ станцій) это позволяютъ сдѣлать²⁾.

Вернемся, однако, еще на одинъ моментъ къ старой агрономической школѣ: ей дана фактическая возможность шире, чѣмъ прежде, вести подготовку не только рядовыхъ агрономовъ, но и будущихъ руководителей для опытныхъ учреждений, будущихъ профессоровъ для новыхъ институтовъ; не хватаетъ лишь формальной санкціи, одного только, хотя, казалось бы, принципиально несущественнаго, тѣмъ не менѣе, въ условіяхъ нашей жизни важнаго штриха—права на полученіе ученыхъ степеней для окончившихъ агрономическую школу и далѣе посвятившихъ себя научной работѣ.

Всѣмъ извѣстна судьба перваго законопроекта, извѣстно, что по инициативѣ Думы онъ вносится теперь вторично. Въ этомъ собраніи мнѣ не приходится доказывать, что ученые степени по агрономіи имѣютъ право получать лица, оканчивающіе агрономическіе факультеты (т. е. сельскохозяйственные институты); не остается возраженій противъ этого права особенно теперь, когда число кафедръ

¹⁾ Мы всегда считаемъ нужнымъ настаивать на принципиальномъ различіи этихъ двухъ положеній (см., напр., брошюру: Высшая школа, опытное дѣло и сѣзды).

²⁾ И для дѣятелей опытнаго дѣла преподаваніе въ размѣрѣ 2 часовъ въ недѣлю мы считали бы полезнымъ.

по основному естествознанію въ агрономической школѣ, сравнялось съ таковымъ на естественно-историческихъ отдѣленіяхъ университетовъ, а число кафедръ по различнымъ отдѣламъ агрономіи въ спеціальной школѣ и въ университетѣ относится какъ 15:1. Я уже сравнивалъ всю ненормальность теперешняго положенія дѣлъ со степенями по агрономіи съ такимъ фиктивнымъ примѣромъ, что если бы медики не имѣли права получать степени по медицинѣ, а степень эта давалась бы только естественникамъ, да и присуждалась бы не медицинскимъ, а физико-математическимъ факультетомъ. Буквально такъ теперь стоитъ дѣло для агрономовъ.

Но нелѣпость фиктивного примѣра блѣднѣетъ передъ нелѣпостью фактической, въ виду той постановки естествознанія въ агрономической школѣ, которая недоступна для медицинскихъ факультетовъ и которая конкурируетъ съ естественно-историческими отдѣленіями университетовъ.

Не вдаваясь въ повтореніе для всѣхъ присутствующихъ знакомыхъ аргументовъ, я остановлюсь только на тѣхъ послѣдствіяхъ, какія явились бы въ случаѣ вторичной неудачи думскаго законопроекта; тогда пришлось бы или обходиться безъ степеней или прибѣгать къ различнымъ суррогатамъ.

Однако, обходиться безъ степеней въ агрономической школѣ было бы возможно лишь при слѣдующихъ условіяхъ (которыхъ теперь не имѣется): 1) если бы ученыхъ степеней по агрономіи въ Россіи вообще не существовало, 2) если бы замѣщеніе кафедры всегда происходило по конкурсу, на основаніи разбора печатныхъ трудовъ, съ послѣдующей баллотировкой кандидатовъ коллегией; при другихъ же способахъ замѣщенія, отсутствіе внѣшняго научнаго ценза у кандидатовъ на кафедры можетъ вести къ рискованнымъ послѣдствіямъ. Точно также предложеніе о введеніи суррогатовъ, какъ, напр., учрежденіе званія адъюнкта, для полученія котораго нужно исполнить тѣ же требованія, какъ и для магистерства, мы не считаемъ удовлетворительнымъ рѣшеніемъ вопроса; если это рѣшеніе годится для инженерныхъ училищъ и политехникумовъ, то вѣдь это потому, что другого ученаго званія въ этихъ отрасляхъ знанія въ Россіи нѣтъ; вотъ если бы физико-математическій факультетъ сталъ давать званіе доктора инженерныхъ наукъ, подобно тому, какъ даетъ званіе магистра и доктора агрономіи, тогда мы посмотрѣли бы, насколько политехникумы остались бы довольны однимъ званіемъ адъюнктовъ.

Пока въ обществѣ прочно укоренилось мнѣніе о томъ, что нѣтъ выше научнаго званія, какъ магистръ и докторъ, до тѣхъ поръ всякія другія наименованія, параллельно существующія, будутъ казаться чѣмъ-то второразряднымъ; да и по существующимъ узаконеніямъ оба рода званій оказываются неравноправными: для магистра и доктора открыты всѣ пути, а для адъюнкта—только двери того учебнаго заведенія, въ уставѣ котораго будетъ упомянуто объ особыхъ правахъ адъюнктовъ. Перваго рода званіе можно сравнить съ общепринятой монетной единицей, а второе съ какимъ-то *нерыночнымъ продуктомъ*. А между тѣмъ важна, именно, возможность обмѣна услугъ между высшими школами для болѣе совершенной подготовки спеціалистовъ по различнымъ кафедрамъ.

Интересно, что прежде было меньше преградъ въ этомъ смыслѣ, чѣмъ теперь; именно, оканчивавшіе Гори-Горѣцкій институтъ (нашу первую высшую агрономическую школу) имѣли право получать ученые степени въ университетахъ; благодаря этому, петроградскій университетъ могъ имѣть у себя на кафедрѣ питомца этого института—А. В. Совѣтова; благодаря этому И. А. Стебуть могъ получить степень магистра въ Петроградскомъ университетѣ по праву, а не изъ милости (какъ это случается теперь) и обратно, пока Петровская Академія давала званіе магистра, университеты нерѣдко командировали въ нее своихъ кандидатовъ на кафедры для спеціальныхъ работъ и сдачи магистерскихъ экзаменовъ.¹⁾

Теперь же междуѣдомственные препоны ставятъ этому препятствія, и является вопросъ, если, напр., сталъ бы осуществляться проектъ устройства агрономическаго факультета при Казанскомъ университетѣ,²⁾ съ 11 спеціальными кафедрами, то какъ получить такихъ спеціалистовъ по сельскохозяйственной механикѣ, лѣсоводству, зоотехніи, энтомологіи, сельскохозяйственной экономіи и пр., которые обладали бы въ то же время и формальнымъ правомъ занимать кафедры въ университетѣ?

¹⁾ Такъ были командированы университетами: В. И. Сорокинъ изъ Казани, А. Е. Зайкевичъ изъ Харькова, С. М. Богдановъ изъ Кіева. Отмѣтимъ, что и въ настоящее время, хотя на другихъ основаніяхъ, но все же агрономическія кафедры въ Казани, Одессѣ и Кіевѣ заняты лицами, получившими спеціальное образованіе въ агрономическихъ школахъ.

²⁾ См. докладъ А. Н. Острякова: объ учрежденіи Агрономическаго Института въ Казани (1914).

Установленіе общихъ степеней облегчило бы организацію какъ новыхъ с.-х. институтовъ, такъ и отдѣленій (или факультетовъ) при университетахъ, облегчило бы созданіе той сѣти агрономическихъ школъ, которая теперь такъ нужна Россіи.

Помимо значенія въ качествѣ источника спеціальныхъ знаний, открывающихъ интеллигенту путь въ деревню, высшая сельскохозяйственная школа дорога своимъ общеобразовательнымъ значеніемъ, той самой широтой захвата, о которой говорилось выше; существенное преимущество состоитъ въ томъ, что здѣсь не предопредѣляется преждевременно выборъ профессіи, что одни могутъ предпочесть дѣятельность общественнаго агронома, непосредственно содѣйствующаго болѣе правильной организаціи народнаго труда, другіе—дѣятельность педагога, писателя; иной используетъ возможность работать по естественно-научнымъ основамъ агрономіи на опытныхъ станціяхъ, иной предпочтетъ разрабатывать экономическіе вопросы, связанные съ сельскимъ хозяйствомъ,—никакой изъ этихъ путей агроному не заказанъ; но даже и тѣ, кого судьба заброситъ въ области, прямо несвязанные съ сельскимъ хозяйствомъ, и тѣ навѣрное не пожалѣютъ, что въ агрономической школѣ они познакомились съ основами естествознанія и основами общественнаго, иллюстрированными примѣрами изъ области важнѣйшей для Россіи промышленности—промышленности сельскохозяйственной.

Въ заключеніе интересно бросить взглядъ въ будущее и поставить вопросъ: если достаточно густая сѣть высшихъ школъ покроетъ Россію, если система средней школы будетъ давать широкій доступъ всѣмъ, наиболѣе одареннымъ дѣтямъ народа въ школу высшую, то какое количество дремлющихъ силъ, пропадающихъ напрасно дарованій обнаружится въ нашемъ отечествѣ? Вѣдь къ счастью оказалось мнѣмъ нерѣдко проявлявшееся представленіе, будто семья должна пройти черезъ нѣсколько поколѣній культуры, пока дѣти будутъ способны къ высшимъ проявленіямъ творчества; не возвращаясь къ Ломоносову, мы видимъ и теперь, какъ то тамъ, то тутъ одаренные самородки изъ крестьянской среды становятся видными научными работниками; мнѣ достаточно напомнить, хотя бы ближе извѣстные многимъ здѣсь присутствующимъ, прекрасные образы, назвавши изъ числа прямыхъ или косвенныхъ учителей нашихъ—Павла Андреевича Костычева и Михаила Ивановича Коновалова. Сколько же подобныхъ дарованій въ народнаѣ массѣ остается теперь непроявленными?

Намъ хотѣлось бы подчеркнуть еще одну сторону: тѣ самородки, которые выйдя изъ народной среды, далѣе сумѣли оставить по себѣ слѣды въ области научнаго и иного творчества, обязаны этимъ не только своимъ способностямъ, но и своей работоспособности; а въ массѣ у насъ чаще встрѣчается первое, чѣмъ второе; если способностями русскій народъ отъ природы не обиженъ, то выдержкѣ въ трудѣ намъ предстоитъ поучиться у западныхъ сосѣдей (не только у нѣмцевъ и англичанъ, но и у чеховъ и у финновъ, да и у французовъ); на западѣ давно и широко извѣстно, что и способнымъ людямъ

«Даромъ ничто не дается»; и творчество

«Жертвъ искупительныхъ просить»...

Извѣстно, что Ньютонъ, на вопросъ, какъ онъ могъ открыть столь трудно уловимыя законности, отвѣтилъ, что это далось ему долгимъ и упорнымъ обдумываніемъ даннаго вопроса. У насъ, конечно, также часто много работаютъ, но нерѣдко эта лихорадочная работа связана съ рискомъ наступленія періода охлаждения и апатіи; на западѣ же преобладаетъ не порывистая, но планомѣрная неукоснительная работа, чередующаяся съ часами здороваго отдыха, за которыми слѣдуетъ возвращеніе къ той же задачѣ, стремленіе къ той же цѣли, которая однажды себѣ поставлена. ¹⁾

Вотъ если бы мы въ будущемъ сумѣли создать такую школу, которая не только проявляла бы серьезныя дарованія дѣтей народа, но и создавала бы у нихъ привычку къ постоянному творческому труду, то тогда можно бы надѣяться на осуществленіе мечты любимаго поэта дней нашей юности, ждавшаго, что въ концѣ концовъ страна наша «вынесетъ все, и широкую, ясную въ жизни дорогу проложить себѣ!»

Д. Прянишниковъ.

402430

¹⁾ Въ разной формѣ и съ разнымъ отношеніемъ эта необходимость большой регулярности труда для насъ выражается съ противоположныхъ сторонъ; такъ, холодному и чужому наблюдателю русской жизни, Бисмарку, служившему одно время въ нѣмецкомъ посольствѣ въ Петербургѣ, приписываютъ такое заключеніе: «Россія будетъ до тѣхъ поръ итти въ хвостѣ европейскихъ народовъ, пока русскій интеллигентъ не выучится отдавать тому дѣлу, за которое онъ берется, по 8 часовъ въ день, по 6 дней въ недѣлю и по 48 недѣль въ году». Съ другой стороны, въ Шлиссельбургскихъ письмахъ Н. А. Морозова находимъ горячій призывъ къ упорной работѣ въ стихотвореніи: «Пусть мой трудъ остановки не знаетъ, пока длится мерцающій свѣтъ!»

